

- ² Farm Facts. P. 13.
³ Ibid.
⁴ Ibid. P. 17.
⁵ История США. М., 1983 г. Т. 1. С. 108.
⁶ Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Washington, 1960. P. 378 (далее — H. S.).
⁷ Ibid.
⁸ Ibid. P. 288.
⁹ Ibid. P. 296.
¹⁰ Ibid.
¹¹ Ibid. P. 281.
¹² Ibid. P. 284, 285.
¹³ Ibid.
¹⁴ Ibid. P. 285.
¹⁵ Ibid. P. 427, 429.
¹⁶ Ibid. P. 431.
¹⁷ Ibid. P. 458.
¹⁸ Ibid. P. 412.
¹⁹ Ibid. P. 414-415.
²⁰ Century of Service. The First 100 years of the United States Department of Agriculture. Washington, 1963. P. 520.
²¹ 1992 Census of Agriculture. Vol. I. Geographic Area Series. Part 51. United States. Summary and State Data. Washington, 1992. P. 8 (далее — 1992 Census).
²² H. S. P. 278.
²³ 1992 Census. P. 8.
²⁴ Ibid. P. 23.
²⁵ Fifteenth Census of the United States 1930. Agriculture. Washington, 1932. Vol. 4 P. 156.
²⁶ 1992 Census. P. 23.
²⁷ Ibid.
²⁸ Ibid. P. 8.
²⁹ Ibid. P. 113.
³⁰ Statistical Abstract of the United States 1994. Washington, 1994. P. 676.
³¹ Ibid. P. 667.
³² 1992 Census. P. 1.
³³ Statistical Abstract of the United States 1994. P. 678.
³⁴ 1992 Census. P. 109—120.
³⁵ Ibid. P. 4.
³⁶ Ibid.
³⁷ Ibid. P. 119, 120.
³⁸ Ibid. P. 109—120.
³⁹ Ibid.
⁴⁰ The People Left Behind. A Report by the President's National Advisory Commission on Rural Poverty. Washington, 1967. P. IX.

С. А. Исаев

ДЖОН ЛОКК И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ОТЦОВ-ОСНОВАТЕЛЕЙ США

Исследования о влиянии одного мыслителя на других — дежурное блюдо, изготавливаемое начинающими историками. Оно давно набило оскомину и стало предметом насмешек. «Если средний студент захочет узнать о платонизме, то лишь в последнюю очередь он надумает взять с библиотечной полки перевод Платона и прочесть „Пир“. Он скорее примется читать какую-нибудь современную книгу, скучную, в 10 раз большую по объему, трактующую об „измах“ и „влияниях“, и лишь однажды на каждые 12 страниц говорящую ему о том, что же на самом деле сказал Платон».¹

Насмешки эти справедливы. Сходство хода мысли (дискурса) и выводов не доказывает ни влияния, ни заимствования. История естественно-математических наук и изобретений полна примеров, когда одновременно в разных странах совершались аналогичные открытия и изобретения, после чего долго спорили о приоритете. И даже если можно доказать, что один мыслитель использовал соображения другого, это не обязательно «влияние»: может оказаться, что первый очень свободно выбирал из обширного «банка идей» и пренебрег именно тем, что ему усиленно внушалось. Британский исследователь Дж. Данн поставил вопрос: происходят ли социальные и политические идеи из того, что человек читает, или же из социального опыта? Его ответ: «В обществах, где распространена грамотность, они необходимо происходят из обоих источников, хотя и в разном смысле».²

Отцов-основателей США, авторов американской Конституции, вопросы авторства идей и приоритета интересовали мало. Цитировали или пересказывали они обычно без указания источника, публиковались анонимно или под псевдонимом. Вопрос об авторстве возбуждался, как правило, тогда, когда другой автор приписывал им мысли, от которых им необходимо было

отмежеваться. Их своеобразная скромность заключалась в установке: важно, чтобы была высказана истина, а кто ее высказал — неважно. Неважно и кто ее высказал впервые. Немногочисленные прямые ссылки на Дж. Локка в документах отцов-основателей доказывают знакомство с его сочинениями, но не более. «Доказательные признания» о влиянии есть, но носят характер публичных ритуальных ссылок.³ Но поскольку тезис о влиянии Локка воспроизводится и в отечественной историографии,⁴ имеет смысл рассмотреть: 1) как выглядит это историографическое клише у американских историков, 2) какое сходство и различие идей за ним реально стоит.

Близость или совпадение идей Локка и отцов-основателей США разумелись сами собою давно, но в 1955 г. Луис Харц заявил об этом в крайней форме. Дело, заявлял Харц, даже не персонально в отцах-основателях. Дело в том, что сама Америка — это «общество, которое начинается с Локка, трансформируясь, остается с Локком в силу безусловной и иррациональной привязанности». Это «общество без феодальных корней».⁵ «Увлечение учением Локка, которое на Западе было в целом рациональным, в Америке стало иррациональным, затмив его главную суть: либерализм».⁶ Бесполезно было бы спрашивать у Харца, идет ли речь об экономическом или политическом либерализме. Либерализм, какой ни есть, в состоянии затмения. Что же его затмило? Американский образ жизни. «Под «американским образом жизни» американский патриот понимал то же самое, что проповедовал Локк, обычно даже не связывая свои взгляды с его именем».⁷ Следует оговорка, что так было лишь до 1865 г., до окончания Гражданской войны, но затем Л. Харц объявляет Ф. Д. Рузвельта «иррациональным последователем Локка» и заявляет, что если бы ФДР поставил знак равенства между Локком и американизмом, это не было бы отклонением от истины.⁸ И вся книга Л. Харца состоит из таких деклараций — броских, но бездоказательных и, что хуже, неясных. Харц упоминает огромное количество имен мыслителей и политиков. Сказать, что каждый человек — вселенная, это, может быть, и поэтическое преувеличение, но что никакой человек, чье имя осталось в истории, не может быть сведен к одной-двум идеям — бесспорно. Читая у Харца, например: «Уберите Веллингтона от Маколея, и вы, по сути, получите Александра Гамильтона, хотя связь между двумя последними не так легко обнаружить»,⁹ — каждый волен вспомнить, кто это такие, попытаться сравнить их вселенные и обнаружить точки сходства, но никто не может быть уверен, что Харц имел в виду эти, а не другие точки. Дополнительная неясность связана с Локком и заключается в том, что Локк объявлен эталонным идеологом общества без феодальных корней. Двумя страницами раньше сам Харц признает, что точных терминов, характеризующих феодальные институты и феодальные концепции, не существует. А как быть с таким неудобным фактом: Локк был автором «Основных установлений» (1669) — чисто феодальной конституции для колонии Каролина?¹⁰

В 1959 г. Карл Л. Беккер заявил, что «большинство американцев усвоили работы Локка как нечто вроде политического евангелия», а Джефферсон, составляя Декларацию Независимости, «копировал Локка».¹¹ Но тогда же Д. Бурстин поставил подобные утверждения под сомнение,¹² а в дальнейшем их подвергли критике создатели концепции «классического республиканизма» как подлинной идеологии Американской революции — Дж. Пококк, Б. Бейлин и Г. Вуд. Эти историки проводили четкое различие между идеологиями 1776 и 1787 гг.; Локк оказывался значительно ближе к последней, чем к первой, — к Конституции, чем к Декларации Независимости. «Основание независимой Америки понималось и происходило на самом деле скорее по Макиавелли и даже по Руссо», — утверждал Дж. Пококк в 1969 г.¹³ Тогда же Дж. Данн показал, что «Два трактата о правлении» были в Америке до революции известны мало, что те немногие, кто их читал, использовали идеи Локка крайне однобоко («Бесконечно работу Локка привлекали

для изъяснения тавтологии, что беззаконие незаконно»¹⁴), а что американцы, внимательно и адекватно усвоившие идеи Локка, были лоялистами или умеренными патриотами, но никак не радикалами, не революционерами. Правда, доводы Данна скорее эффективны, чем корректны. Например, Дэнн утверждает, что лучше всех в Америке Локка понял Питер Ван Шаак, инициатор освободительного движения в колонии Нью-Йорк, в дальнейшем самоустранившийся от участия под воздействием упреков совести. Из приведенных высказываний самого Ван Шаака видно, что сначала он верил в существование британского заговора против американских свобод, затем же пришел к выводу, что никакого заговора нет.¹⁵ Конечно, такая пронизательность делает Ван Шааку честь: в горячке борьбы он не поддавался влиянию патриотической мифологии и понял то, что в наше время бесспорно для историков по обе стороны Атлантики.¹⁶ Но разве это что-нибудь говорит о связи приятия / неприятия идей Локка и патриотического / лоялистского настроения? Ведь убеждение Локка, что если заговор против свобод есть, то восстание правомерно, — было и убеждением Ван Шаака всегда. Изменилась только оценка вероятности факта: мог быть заговор — не могло быть заговора. Принцип не изменился.

Впоследствии в американской историографии наблюдается возвращение к традиционному взгляду,¹⁷ и Г. Шелтон проводит прямые параллели между Локком и Джефферсоном,¹⁸ игнорируя давнее язвительное предположение Дж. Данна: кто выводит идеологию Американской революции непосредственно из сочинений Локка, тот просто мало читал английских вигов XVIII в.¹⁹

Локк вошел в историю философии благодаря главным образом своему вкладу в теорию познания. Отцы-основатели США интересовались этим сравнительно мало. Однако у Локка была концепция человека и концепция государства — во многом действительно сходные с концепциями отцов-основателей. Пункты отличий будут в дальнейшем изложении оговорены специально.

1. Локк считал, что человек создан непосредственно Богом. Но о государстве он этого не говорил: государства создаются людьми.²⁰

2. Бог дал людям Закон. Локк был приверженцем абсолютной морали: он придерживался системы отсчета добро—зло, и «замыкалась» эта система на Бога. Государство в своем функционировании должно «вписаться» в этот Закон, каждый отдельный человек — тоже. Все политические и прочие бедствия Локк рассматривал как следствия отклонения от Закона.²¹

3. Закон охватывает нормы как морали, так и права. Но государство должно следить только за соблюдением норм права. «Законодатель не имеет никакого дела с нравственными добродетелями и пороками». ²² «Никого нельзя против его желания принудить быть богатым или здоровым. Тех, кто не хочет, не спасет и Сам Господь Бог». ²³ Это «самоограничение» государства не было характерно для республиканизма 1776 г. и для антифедерализма 1787—1789 гг., но совпадает с концепцией государства, заложенной в конституцию 1787 г. и в Билль о правах.

4. Хотя те нормы права, которые соответствуют воле Бога, обладают универсальной значимостью, они все же не являются вечными и чистыми истинами в том смысле, в каком $2 \times 3 = 6$ или правила логики. «Мне, во всяком случае, представляется, — писал Локк, — что некоторые статусы вещей неизменны и некоторые обязанности, рожденные необходимостью, не могут быть иными не потому, что природа или, лучше сказать, Бог не смогли создать человека иным, но потому, что раз уж он создан именно таким, наделен разумом и другими способностями, рожден для того, чтобы жить в условиях этой жизни, то из его природной конституции неизбежно следуют определенные его обязанности, которые не могут быть иными (выделено мною. — С. И.)». ²⁴

Локк наблюдал в истории очень значительное разнообразие этих «природных конституций». Он допускал, что не все 10 заповедей одинаково общеобязательны. Например, в Спарте воровство считалось законным, если вора не удавалось поймать с поличным. Однако «правитель, который мог сделать прощательным воровство, все же не мог бы сделать законными клятвопреступление или измену, поскольку они разрушительны для человеческого общества».²⁵ «Порою Бог (столь велико Его попечение о сохранении государства) допускает до того, чтобы Его законы в некоей степени подчинялись и соответствовали человеческим: Его Закон воспрещает порок, а человеческий закон часто определяет для него допустимую меру».²⁶ В этом отношении отцы-основатели США были правовернейшими последователями Локка: Декларация Независимости объявила всех людей свободными и равными, Конституция США «не заметила» рабовладения, а законодательство южных штатов регламентировало правовой статус негров-рабов.

5. Закон (а точнее его правовая «составляющая») налагает ограничения на поведение как простого гражданина, так и монарха. «Там, где нет Закона, нет и свободы <...>. Она представляет собой свободу человека располагать и распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется, и, таким образом, не подвергаться деспотической воле другого, а свободно следовать своей воле».²⁷

В принципе с этим согласились бы и республиканцы 1776 г., и авторы Конституции США. Как станет ясно далее, Локк имел в виду законы, конкретизирующие 10 заповедей, авторы Конституции США — то же, но при соблюдении некоторых дополнительных ограничений (налагаемых, в частности, международными договорами США). Однако с точки зрения республиканизма 1776 г. единственным воплощением справедливости была воля большинства, законы, принятые большинством легислатур штатов — ради завоевания и укрепления независимости. Такой релятивизм был Локку абсолютно чужд.

6. Но как люди могут узнать, в чем состоит этот вечный и идеальный Закон? Локк отвечал: с помощью «здорового разума» (*recta ratio*). «Разум не столько устанавливает и диктует нам этот закон природы, сколько исследует и открывает его как освященный высшим могуществом и вложенный в наши сердца; он не создатель, а толкователь этого закона».²⁸

Recta ratio, «здравый разум», до такой степени напоминает *common sense*, «здравый смысл» Б. Франклина и Т. Джефферсона, что хочется поставить между ними знак равенства. Но не будем торопиться. От Локка, проницательного теоретика процесса познания, можно ждать более аналитического подхода, чем от отцов-основателей. Теологи — от Ансельма Кентерберийского до наших дней — спорят, вера должна быть подчинена разуму или разум вере. Обе позиции неубедительны, потому что, говоря о «разуме», мы охватываем этим понятием а) презумпции, т. е. самоочевидные для нас утверждения, и б) способность логически мыслить, независимо от предмета мысли. Верующий подчиняет свои презумпции вере, но логику он подчинить вере (или чему бы то ни было) не может при всем желании. Так вот: у Локка есть это различие между **презумпциями** разума и **логикой** разума. Иногда он говорит о презумпциях разума: «Под „разумом“ <...> здесь следует понимать не интеллектуальную способность, формулирующую наши рассуждения и осуществляющую доказательства, а некие определенные практические принципы, из которых проистекают все добродетели и вообще все, что необходимо для формирования подлинной нравственности».²⁹ Чаше — о логике разума: «Разум <...> берется здесь как дискурсивная способность души, которая продвигается от известного к неизвестному и выводит одно из другого в четкой и правильной последовательности суждений».³⁰

Отцы-основатели на это различие внимания не обратили. Их «здравый смысл» равнялся презумпциям их разума и иной раз очень сильно отличался от презумпций Локка. Логика же — если ее правильно применяли — была общей для всех.

7. Локк считал, что «здравый разум», если он действительно здравый, непременно придет к умозаключениям, противоречащим тем представлениям, которые разделяются всеми людьми Земли или большинством данного народа. Локк различал между «естественным» и «установленным» согласием людей. К «естественному» согласию «побуждает людей некий природный инстинкт», это согласие в отношении нравственности, мнений, принципов. Оно сплошь и рядом противоречит «здравому разуму»: «Не существует ничего столь позорного по своей природе, что где-то или не было бы освящено религией, или не почиталось бы доблестью и не превозносилось бы до небес». Локк ссылается на экзотические брачные обычаи, на самосожжение вдов в Индии, на убийство сардами своих престарелых родителей.³¹ «Установленное» согласие Локк отождествляет с международным правом. Например, неприкосновенность посла — «результат молчаливого согласия людей, рожденного необходимостью, например соображением, что несправедливо отторгнутое предпочтительнее требовать с помощью одного лица, чем открытого насилия, совершаемого многими».³² По мысли Локка, ничего в этом плохого нет, но «здравый разум» требует, чтобы личность каждого человека была бы так же неприкосновенна, как личность посла. Если с «необходимостью» что-нибудь случится, например, все государства начнут воевать между собой или же будут включены во всемирную империю, норма о неприкосновенности посла перестанет действовать.

Эти положения Локка представляют собой, по сути дела, критику «здорового смысла» отцов-основателей США с позиций «здорового разума». Отцы-основатели отождествили моральные презумпции своего времени со «здравым смыслом», хотя и внесли в Конституцию механизм корректировки в соответствии с новыми презумпциями, предоставив Верховному суду право толкования Конституции. Так, для отцов-основателей США законодательная фиксация минимума заработной платы представлялась недопустимой, расовое неравенство — допустимым, о предоставлении избирательных прав женщинам они не хотели и слышать, смертную казнь через повешение они «жестоким и необычным наказанием» не считали, а законным браком признавали только моногамный брак мужчины и женщины. В наше время эти презумпции более или менее пересмотрены.

Учение Локка о «здравом разуме» лежало в имперском русле британской политико-правовой мысли. Когда он его развивал, готовилась уния с Шотландией, а впереди были великие завоевания (Индия, Канада и др.). Управлять громадной империей, следуя «естественному» согласию какого бы то ни было отдельного народа — англичан, шотландцев, индийцев, было заведомо невозможно: требовался «здравый разум» как универсальный корреклят. Американской политической мысли все это чуждо.

8. Что «здравый разум» Локка говорил о законах, определяющих взаимоотношения человека и государства?

Во-первых, государство должно быть веротерпимым. Ведь заставить верить так и не верить иначе никакое государственное насилие не может.³³ Однако веротерпимость не должна распространяться на католиков: «Пока они обязаны слепо повиноваться непогрешимому папе, который носит на поясе ключи от их совести и может при случае разрешить их от всех клятв».³⁴ Не должна она распространяться и на атеистов: «Те, кто не признает существования божества, не имеют никакого права на терпимость. Ибо для атеиста ни верность слову, ни договоры, ни клятвы, т. е. все, на чем держится человеческое общество, не могут быть чем-то обязательным и священным, а ведь если уничтожить Бога даже только в мыслях, то все это рухнет».³⁵

Локк исходит из презумпций, описывающих положение в Англии конца XVII в., но в США конца XVIII в. с этой стороны ничего не изменилось, и ограничения политических прав католиков и атеистов лишь постепенно снимались в XIX в. ... Ну а если правитель вводит несправедливые ограничения и нарушает веротерпимость? Тогда, по мнению Локка, подданные «должны делать то, что требует от них совесть, насколько могут без насилия, но при этом одновременно обязаны спокойно подчиняться наказанию, какое закон налагает за подобное неповиновение, так как посредством этого они обеспечивают себе благодать на том свете и не нарушают спокойствия этого мира, но обоим отдают должное <...> И воистину лицемер тот <...> кто по велению совести, но также покоряясь закону, не купит рая для себя и мира для своей страны, пусть даже ценой имущества, свободы или самой жизни».³⁶ По этой схеме иногда поступали квакеры как в Англии, так и в Америке. Императив Локка предполагал опять же империю — поликонфессиональную и веротерпимую, но не способную полностью исключить эксцессы и единичные случаи насилия; их потенциальным жертвам Локк и рекомендовал искренность мучеников и покорность законопослушников. Колонизация Америки была попыткой решить проблему другим способом: единоверцы поселялись с единоверцами. Чисто светский характер федерации, созданной в 1787 г., соответствовал принципам веротерпимости в понимании Локка, но этого нельзя сказать о законодательстве штатов, которые в XIX в. обычно ставили в привилегированное положение какую-либо из протестантских церквей, налагая ограничения на другие.

9. Во-вторых, открываемый «здравым разумом» закон ограничивает функции государства. «Государство — это общество людей, установленное единственно для сохранения и приумножения гражданских благ. Гражданскими благами я называю жизнь, свободу, телесное здоровье и отсутствие физических страданий, владение внешними вещами, такими, как земли, деньги, утварь и т. д.». «Вся юрисдикция правителя распространяется единственно лишь на эти гражданские блага...».³⁷

Это — типичный взгляд умеренного крыла американских патриотов. Джефферсон обосновал отделение США от Великобритании в Декларации Независимости подобными аргументами, поскольку они были убедительными не только для радикалов, но и для умеренных. И это — типичный взгляд авторов и сторонников Конституции 1787 г., учредившей республиканское правительство с функциями, ограниченными именно таким образом.

10. В-третьих, одна из функций государства главное прочих: «Великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности». С тем, что эта функция — особая, считается даже абсолютная власть: например, офицер имеет право приказать солдату занять позицию, где его ждет верная смерть, но не может распорядиться даже фартигом его имущества.³⁸

Читая такое, испытываешь соблазн следовать накатанной колеей: дескать, Джефферсон, введя в Декларацию Независимости формулу о «стремлении к счастью», преодолел собственническую зашоренность Локка, но в 1787 г. на Филадельфийском конвенте консервативные собственники взяли реванш... Нет! Все сложнее. У Локка читаем следующее: «Ведь наследство, получаемое всем родом человеческим, всегда одно и неизменно и не увеличивается в соответствии с числом рождающихся. Природа уделила на пользу человечеству определенное количество благ, и все они даруются нам преднамеренно в определенном количестве и определенным образом, а не возникают случайно и не возрастают вместе с потребностями или алчностью людей <...> Сколько бы ни возрастала у людей жажда или нужда в собственности, границы мира тотчас же не расширяются. Пища, одежда, украшения, богатство и все прочие блага этой жизни являются общим достоянием, и когда каждый хватает столько, сколько может, сколько прибавляет он к

своему имуществу, столько же отнимает у других, и никто не может разбогатеть, не нанося убытка другому». ³⁹ Если человек не вложил во что-либо свой труд, «здравый разум» не признает за ним права собственности на это. «Человек имеет право обратить своим трудом в свою собственность столько, сколько он может употребить на какие-нибудь нужды своей жизни, прежде чем этот предмет подвергнется порче. А то, что выходит за эти пределы, превышает его долю и принадлежит другим». ⁴⁰ «Дары судьбы никогда не являются настолько нашими, чтобы перестать принадлежать Богу». ⁴¹

Следовательно, Локк защищал собственность — но не частную собственность! Он разделял типично средневековое представление о конечности количества материальных благ, предназначенных Богом для потребления людьми. Джефферсон же, с его гуманизмом и верой в прогресс, отбросил это средневековое представление Локка, обозначив путь развития Америки на 200 лет вперед, но вряд ли намного больше, потому что экологический кризис заставляет вопреки желанию вернуться к средневековым (и локковским) представлениям. Таким образом, когда Локк писал о собственности, он имел в виду социально необходимый прожиточный минимум. С речами на Филадельфийском конвенте 1787 г. — ничего общего.

11. Пока люди не объединились в государство, они в естественном состоянии. Договор, т. е. соглашение, заключаемое при участии человеческого разума, кладет ему конец. «Не всякое соглашение кладет конец естественному состоянию между людьми, но только то, когда люди взаимно соглашаются вступить в единое сообщество и создать одно политическое тело (make one Body Politick)». ⁴² Признак политического состояния — наличие общего судьи, обладающего властью. ⁴³ Правители независимых государств, взаимодействуя друг с другом, находятся в естественном состоянии и сейчас. ⁴⁴ Эти положения политической теории Локка фигурировали в сочинениях отцов-основателей регулярно. Но далее Локк пишет, что власть должна быть разделена на ветви: законодательную, исполнительную и... «природную (или федеративную)». Это та власть, которой люди обладали в естественном состоянии. ⁴⁵ Из этого разъяснения понятно, что Локк имеет в виду суверенитет. Суверенитет неделим. А кому он принадлежит — народу? Нет. Монарху. Монарх располагает прерогативой. В наше время слово «прерогатива» используется как наукообразный эквивалент слова «право», но в те времена у него было совершенно четкое специальное значение: «власть действовать сообразно собственному разумению ради общественного блага, не опираясь на предписания закона, а иногда даже вопреки ему». ⁴⁶ Осуществление прерогативы — это не тирания: правда, тиранию Локк определяет тоже как «осуществление власти помимо права», однако «в целях своей личной частной выгоды», а «не на благо тех, кто подчиняется этой власти». ⁴⁷ Таким образом, если монарх, следуя «здравому разуму», действует в нарушение законов, продиктованных «здравым смыслом», то он прав, он не тиран, а носитель прерогативы.

В Америке все было иначе. Триаду властей отцы-основатели заимствовали у Монтескье. Суверенитет принадлежал то ли народу США, то ли народу отдельных штатов, то ли был разделен между ними, но во всяком случае в руках монарха не находился. Слово «прерогатива» не имело никакого смысла и не употреблялось вообще. Тиранией называлось сосредоточение всей полноты двух или трех властей в руках одного органа. О коллизии между реальным «общим благом» — и тем, что законодатели выдавали за таковое в порядке самообмана или обмана, не было и речи, хотя впоследствии эта проблема возникла и роль авторитетных корректировщиков ошибок законодательной власти закрепилась в конце концов за членами Верховного суда (который Джефферсону представлялся «монархическим» институтом).

Как видим, мировоззрение Локка было до такой степени традиционалистским и монархическим,⁴⁸ что в полноте и цельности своей никак не могло лечь в основу конституции республиканского государства, развивающегося динамично и прогрессивно. Отцы-основатели США разделяли религиозно-этические основы мировоззрения Локка. Заимствования из Локка осуществлялись очень выборочно, и все, что связано с собственностью, подверглось кардинальному перетолкованию. И Декларацию Независимости, и Конституцию США следует рассматривать как оригинальные памятники американской политической мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Lewis C. On the Reading of Old Books // *God in the Dock*. Grand Rapids, Mi, 1996. P. 200.
- ² Dunn J. The Politics of Locke in England and America in the eighteenth century // *John Locke: Problems and Perspectives. A collection of new essays* / Ed. by John W. Yolton. Cambridge: At the Univ. Press, 1969. P. 46.
- ³ Джон Адамс заявлял, что конституция Массачусетса 1780 г. воплощает идеи Локка, но сам же отмечал в «Дневнике», что Локка крайне трудно применить к конкретной американской ситуации. — *The Works of John Adams*. 10 vols. Boston, 1850—1856. Vol. 4. P. 216; *Diary and Autobiography of John Adams* / Ed. L. H. Butterfield. New York, 1964. Vol. 3. P. 358—359.
- ⁴ Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. С. 764.
- ⁵ Хари Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993. С. 15.
- ⁶ Там же. С. 20.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 241—242.
- ⁹ Там же. С. 25.
- ¹⁰ История США. М., 1983. Т. 1. С. 54.
- ¹¹ Becker K. L. The Declaration of Independence: A Study in the history of Political Ideas. New York, 1959. P. 27, 79.
- ¹² Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993. С. 152—153.
- ¹³ Pocock J. The Machiavellian Moment. Princeton, 1969. P. 545.
- ¹⁴ Dunn J. The Politics of Locke... P. 75.
- ¹⁵ Ibid. P. 77.
- ¹⁶ Wood G. Conspiracy and the Paranoid Style: Causality and Deceit in the Eighteenth Century // *William and Mary Quarterly*. 1982. July. Vol. 39. P. 402—404.
- ¹⁷ Appleby J. Capitalism and a New Social Order. New York, 1984. P. 50—53; McDonald F. *Novus Ordo Seclorum*. Lawrence, 1985. P. 166.
- ¹⁸ Шелтон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. М., 1995. С. 73—75.
- ¹⁹ Dunn J. The Politics of Locke... P. 80.
- ²⁰ Локк Дж. Послание о веротерпимости Лимборху // *Соч.*: В 3 т. М., 1985—1988. Т. 3. С. 94, 122.
- ²¹ Локк Дж. Опыты о законе природы // Там же. С. 4, 7, 11.
- ²² Локк Дж. Опыт о веротерпимости // Там же. С. 74.
- ²³ Локк Дж. Послание о веротерпимости // Лимборху. С. 105.
- ²⁴ Локк Дж. Опыты о законе природы. С. 45.
- ²⁵ Локк Дж. Опыт о веротерпимости. С. 76.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Locke J. *Two Treatises of Government* / A critical edition by Peter Laslett. 2nd ed. Cambridge, 1967 (далее сокращенно — *Locke*). P. 324; Локк Дж. Два трактата о правлении // *Соч.* Т. 3. С. 293—294.
- ²⁸ Локк Дж. Опыты о законе природы. С. 4.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 21.
- ³¹ Там же. С. 29—30.
- ³² Там же. С. 28.
- ³³ Локк Дж. Опыт о веротерпимости. С. 70—73.
- ³⁴ Там же. С. 81—82.
- ³⁵ Локк Дж. Послание о веротерпимости Лимборху. С. 125.
- ³⁶ Локк Дж. Опыт о веротерпимости. С. 73.
- ³⁷ Локк Дж. Послание о веротерпимости Лимборху. С. 94—95.
- ³⁸ Локк Дж. Два трактата... С. 334, 345. *Locke*. P. 368—369, 379—380.
- ³⁹ Локк Дж. Опыты о законе природы. С. 51.
- ⁴⁰ Локк Дж. Два трактата... С. 279; *Locke*. P. 295.
- ⁴¹ Локк Дж. Опыты о законе природы. С. 46—47.
- ⁴² Локк Дж. Два трактата... С. 269—270; *Locke*. P. 295.
- ⁴³ Локк Дж. Два трактата... С. 273; *Locke*. P. 299.
- ⁴⁴ Локк Дж. Два трактата... С. 269. *Locke*. P. 294.
- ⁴⁵ Локк Дж. Два трактата... С. 347—349. *Locke*. P. 382—384.
- ⁴⁶ Локк Дж. Два трактата... С. 357. *Locke*. P. 393.
- ⁴⁷ Локк Дж. Два трактата... С. 378. *Locke*. P. 416—417.
- ⁴⁸ Автор не считает, что это плохо.